

— Расскажите, как началось ваше творческое содружество!

— Вообще, в документальном кино я работаю с 1941 года. До этого пришлось попробовать себя и в художественном, и в научно-популярном кинематографе. Но в том тревожном ноябре, когда немцы рвались к Москве, а ЦСДФ была почти полностью эвакуирована, меня пригласили помочь в съемках ставшего историческим парада 7 ноября: с той поры я и остался в хронике. До нашей первой деловой встречи Кармен обращался ко мне официально «товарищ Котов», а сразу после войны подошел ко мне в коридоре студии и вдруг просто, без обиняков сказал: «Виктор, я хочу вам предложить работать со мной над фильмом «Нюрнбергский процесс» (позже эта картина получила название «Суд народов»). Так начался наш совместный многолетний путь, наша дружба, за которую я благодарен судьбе.

— Каков был Кармен в работе?

— Он был документалистом до мозга костей, каждую съемку стремился сделать актуальной. Его острый глаз замечал все интересное и выразительное, фиксируя, что — главное, что — второстепенное. Когда мы приехали в Нюрнберг (приехали с небольшим опозданием) и влетели во время очередного перерыва в зал заседаний, Роман в своей военной форме (у него был чин майора) тут же встал напротив дверей, откуда должны были выводиться фашистских преступников. Помню, объявляют начало. Первым выходит Геринг. И вдруг, увидев вскинутое прямо на него «дуло» карменовской кинокамеры, отпрянул назад в замешательстве: «Русиш офицер!..». Но охрана, конечно, подтолкнула его вперед, к скамье подсудимых. Так началась наша работа на процессе, длившемся одиннадцать месяцев... Наблюдая Кармена впервые в деле, я невольно отмечал недюжинную энергию, стремительность в перемене точек съемки. Работал он без усталости, с удовольствием, и его азарт не-

вольно передавался всем членам съемочной группы.

— Говорят, Роман Лазаревич был очень веселый человек!

— Да, он жил по принципу: плачь, но смейся. В конце работы он всегда считал необходимым разрядить обстановку напряженного дня, раз-

— Часто приходится слышать от актеров, сценаристов или других работников кино, как им приятно работать с режиссером, который им доверяет. Наша профессия — не исключение. Обычно о человеке с микрофоном вспоминают в последнюю очередь. Кармен же видел в каждом

стей, его сердце, как мембрана, чутко реагировало и отзывалось на все, что происходило вокруг: с людьми, народами, эпохой. Без такого сердца не может быть истинного публициста, без тонкого слуха, улавливающего все бури времени, он не создал бы своих волнующих «горячих»

прочел на испанском лекцию о советском кино... Был он замечательным организатором и руководителем. Но старался, чтобы мы видели в нем не командира, а соратника. Поэтому в группе всегда царил предельно дружеская, я бы сказал, интимная обстановка. Хотя когда касалось дела, бывал требователен и суров. Впрочем, конфликтов и недоразумений у нас не было. К каждому был заботлив и внимателен. Мне запомнился один пример доброжелательности Романа Лазаревича. Он улетал из Южной Америки, а мы все еще оставались заканчивать работу. Домой хотелось страшно, — соскучились по своим. И тогда он предложил записать на магнитофон наши голоса и отвезти их в Москву. И дома, собрав у себя наши семьи, прокрутил им то звуковое письмо. Какой это был для всех приятный сюрприз!

— И все же, когда вы думаете о Кармене, что вспоминается прежде всего!

— Для меня он навсегда останется примером, образцом работоспособности. Он буквально не щадил себя. Помните, во время нашего пребывания в Индии: жара — как в печке, работаем только утром и вечером. В полдень жизнь замирает. Придем в гостиницу, намучившись со своей громоздкой аппаратурой, — тут бы упасть в тень и уснуть. Кармен же поспит лишь час (засыпал и вставал от мгновению) и уже направляет листы в свою пишущую машинку.

Я и во время наших многочисленных перелетов никогда не видел его дремлющим или праздно болтающим. Ставит на колени портативную машинку и пишет очередную статью или заметки для будущей книги. Ритмично и неумолимо стучала эта машинка на высоте многих тысяч метров, среди облаков. Я так связался с этим, что с тех пор, когда летаю самолетом, мне всегда не хватает задорного бодрящего стука карменовской машинки.

П. ЧЕРНЯЕВ,
общ. корр.

г. Москва.

ВОСКРЕСНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ВСЕЙ СИЛОЮ КИНОИСКУССТВА

В этом году выдающемуся советскому кинопублицисту Роману Кармену исполнилось бы 75 лет. Судьба хроникера давала ему счастливую возможность почувствовать kloкоцущий пульс планеты: со своей камерой он оказывался на передней линии огня первых боев с фашизмом — в сражающемся Мадриде, среди седых льдов Арктики, у нефтяников Каспия, на фронтах под Вязьмой и на Одере, снимал акт подписания безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Мы беседуем с одним из постоянных соратников Романа Кармена по послевоенным фильмам звукооператором Виктором Алексеевичем КОТОВЫМ. Бок о бок они объехали Вьетнам и Индию, Кубу и Чили, были в Перу, Венесуэле, Панаме, Норвегии и многих других точках земного шара.

взять усталость товарищей. Однако за шутками и каламбурами мы не теряли глазного — ощущения происходящих вокруг событий, не забывали своей сверхзадачи. Ни на секунду не утихла ненависть к тем, на чьей совести Герника и Хатынь, Освенцим и Майданек, разрушенная Варшава, сожженные города от Бреста до Волги. А как точно Кармен нашел автора дикторского текста для «Суда народов!» Сильный, яростный, суровый текст Б. Горбатова как нельзя лучше лег на честные, строгие кадры фильма. Из столкновения звука и изображения Роман Лазаревич поистине умел высекать искры.

— На ваш взгляд, отличалась ли манера работы Кармена со звукооператором от манеры других режиссеров хроникери.

участнике съемочной группы человека, способного сделать свой творческий вклад в облик фильма. Я хранию в душе благодарность Роману Лазаревичу не только за то, что я, бывший радиотехник с фабрики «Дукат», оказывался то в соломенной хижине на одной скамеечке с президентом Хо Ши Мином, то на шумном перекрестке Гаваны, то на медной земле Чили в толпе, восторженно встречающей Луиса Корвалана. Я благодарен ему за предоставленную возможность поработать «на всю катушку», не сдерживая своей фантазии, показать все, на что способен.

— Могли бы вы определить, в чем была суть Кармена-публициста!

— Он был искренне открыт для чужих радостей и горе-

лент, таких как «Гренада, Гренада...», «Пылающий континент», «Сердце Корвалана» и других. Он молниеносно входил в контакт с людьми, которые ему нравились, но, думается, это было не столько репортерское качество, сколько человеческое. Как деликатно он брал интервью, стараясь не помешать человеку, особенно если тот работает! Как много знал и помнил об окружающих, как любил расспрашивать — и не для профформы, а с полным искренним интересом к делам собеседника.

Роман Лазаревич обладал многими замечательными качествами, например, удивительно легко преодолевал языковой барьер (переводчик в зарубежных поездках был с нами далеко не всегда). В Чили вдруг взял и